

Память поколений

19 февраля 2021 года ветерану Великой Отечественной войны, полковнику в отставке, старейшему жителю московского района Котловка Георгию Тимофеевичу Тушеву исполнилось 100 лет. Георгий Тимофеевич – убежденный коммунист. Будучи активным и интереснейшим человеком, он пользуется огромным уважением у своих коллег – партийцев Севастопольского отделения КПРФ. Совсем недавно его товарищи по партии в торжественной обстановке вручили Георгию Тимофеевичу новый партийный билет в связи с 50-летним партийным стажем, а также медаль, приуроченную к 75-летию Победы.

Георгий Тимофеевич является непосредственным свидетелем событий военного времени и всю свою жизнь связал с армией и преподаванием военного дела. Родился он в городе Армавир Краснодарского края. Там же закончил среднюю школу и поехал поступать в Педагогический институт имени В.И.Ленина на факультет русского языка и литературы. Но грянула война...

Из его воспоминаний:

28 июня 1941 года я сдал последний экзамен, а 30 июня нас, студентов-ребят, девушки провожали на Киевском вокзале на строительство оборонительных укреплений на подступах к Москве. Отряд был сформирован по воинскому принципу: роты, взводы, отделения. Работы продолжались с 30 июня по 12 октября 1941 года. Затем студенты вернулись в Москву для продолжения учебы. 10 ноября 1941 года меня и ещё двоих студентов вызвали в Горвоенкомат и направили в Ярославль в только что открывшееся пулеметно-минометное училище, которое мы закончили, получив первый разряд. Приказом начальника училища генерал-майора Репина мы были назначены командирами взводов курсантов, хотя мы все трое рвались на фронт. Надо было в течение 5-6 месяцев

подготовить командиров пулеметного взвода, чтобы они успешно сдали экзамены. Наши педагогические знания как разгодились, и курсанты наши сдавали экзамены успешно.

После госэкзаменов молодых лейтенантов везли на фронт. В эшелоне человек чувствует себя беззащитным. А в 1942 – 1943 годах немцы часто совершали налеты на наши эшелоны. Поэтому многое зависело от мастерства машиниста, как он умел маневрировать: то развивать скорость, то резко тормозил, чтобы избежать прямого попадания по эшелону. За свою службу в ярославском училище я совершил четыре поездки, отправляя офицеров на фронт в эшелонах. Нас, сопровождающих, сразу по прибытии в пункт назначения ставили на котловое довольствие – мы становились, как и личный состав данной

части (соединения), участниками боевых действий. Мы находились там до тех пор, пока последний отставший от эшелона офицер не прибудет в пункт назначения. После этого мы получали документы и возвращались в свое училище. По приказу начальника части все это время мы числились при штабе училища или дивизии.

Расскажу про одну такую поездку из Ярославля до станции Нелидово Смоленской области. В эшелоне было четыре роты офицеров – две минометные и две пулеметные. Это около 500 человек. При появлении фашистского бомбардировщика машинист начал маневрировать: то тормозит, то увеличивает скорость. Враг стал бомбить эшелон, и офицеры скоординировали: первая и вторая роты – направо, третья и четвертая – налево – рассредоточиться! По окончании тревоги подсчитали по-

тери: убитых нет, раненые – 8 человек. Ранения разные – от легких до тяжелых. Всех погрузили в эшелон и двинулись до первого города на пути следования, где обычно оставляли раненых. Когда эшелон прибыл на станцию Нелидово (конечный пункт), нас ждала целая группа генералов и старших офицеров. Шла борьба за каждого офицера – их не хватало в батальонах, ротах. Очень нужны были командиры взводов! Всегда во время таких поездок небольшое количество офицеров отставало от эшелона. Как только поезд останавливался на какой-либо станции, офицеры бросались на вокзал за покупками. Остановить их было невозможно. Люди ехали на фронт. Но радовало то, что все отставшие приезжали на станцию назначения, так как они знали, что за неявку им грозит штрафной батальон. В 1943 году я сопровождал

эшелон с офицерами в город Арад во время окончания Ясско-Кишиневской операции, так что тоже являюсь участником этой операции. Так продолжалась моя служба с 1942 по 1944 год: набор курсантов, обучение, присвоение им званий и отправка на фронт. Я трижды подавал рапорт, чтобы меня отпустили на фронт, но начальство не отпускало, и не только меня, а всех с таким же образованием, как у меня. В конце 1944 и начале 1945 года я находился в составе 22-го офицерского полка на 2-м Украинском фронте в Венгрии – шла ликвидация сопротивления последнего сателлита Германии.

Кончилась война. Тысячи офицеров оказались в распоряжении отдела кадров города Москвы. После Великой Отечественной войны под Москвой, в Хлебниково (по Савеловской железной дороге) был создан Военный педагогический институт. Я успешно сдал вступительный экзамен и стал слушателем института. Окончил его в 1948 году и получил назначение в Тамбовское пехотное училище, а через год стал преподавателем Рязанского пехотного училища. Там были созданы две роты из старших сержантов – участников Великой Отечественной войны. Командование решило учить их на офицеров, чтобы они в армии использовали свой военный опыт. В 1951 году в Военной академии имени Фрунзе открылся военно-исторический факультет, на который принимали с высшим образованием, я написал рапорт, и меня зачислили слушателем Академии. Так началась моя преподавательская деятельность военного дела.

Война же оставила глубокий след на всю мою жизнь...

Подготовила
Мария Климанова

Сколько в России бездомных?

Если верить представителям власти, вскоре все москвичи переселятся в прекрасные благоустроенные дома, и в первую очередь те, кто сейчас живёт в самых тяжёлых условиях: в коммуналках, в общежитиях, в аварийных домах. Но как ситуация обстоит на самом деле? Координатор «Левого фронта» Сергей Удальцов взял интервью у известного московского активиста Юлии Авериной.

Проблемы, связанные с жильём, гораздо серьёзнее, чем программа реновации, подчеркнула Юлия. Все благостные обещания о переселении не выполняются, гражданам пускают пыль в глаза. Постоянные угрозы пожара, ужасное состояние сантехники и электрики, обстановка, схожая с тюремными бараками – вот в каких условиях живут многие москвичи. И причина тому – невероятные объёмы коррупции.

Правозащитники называют цифру в 7 млн бездомных по всей России. Юлия Аверина насчитала шестнадцать системных схем, по которым чиновники лишают людей жилья. Так, например, общежития передаются в оперативное управление обществ с ограниченной ответственностью. От жителей требуют переоформить договоры социального найма на договоры коммерческого найма, что абсолютно незаконно. После этого заявляется, что жители занимают помещение самовольно, и их выселяют на улицу. Такая история случилась с Александром Блинцовым, конструктором вертолётного

завода, проживавшим в общежитии этого завода и в настоящее время оказавшимся без жилья.

Две независимые друг от друга группы активистов, проехав по всей России, обнаружили множество так называемых «фиктивно переселённых». Выделяется бюджет на переселение, средства осваиваются, отчёт уходит в счётную палату, а Департамент город-

ского имущества не выдаёт информацию о том, сколько социального жилья выдал гражданам и где это жильё находится. По всей видимости, ДГИ просто не признаёт Московскую городскую Думу органом власти и не считает, что должен выполнять какие-то законы, требующие предоставлять депутатам запрашиваемую информацию.

В результате видим то, что видим: мало того, что огромное число очередников по всей России до сих пор не обеспечено приличным жильём, так ещё и из условий, фактически для жизни непригодных, их выселяют на улицы. Причина проста: либо не-

ликвидное жильё хотят переоборудовать для коммерческих нужд, либо на земельные участки «положили глаз» застройщики. И, конечно, интересы обитателей рабочих общежитий в этом противостоянии ничего не значат.

Александра Смирнова

И вновь о перчатках

Как тут не верить приметам? Совсем недавно писала статью о бесполезности и даже вреде перчаток – и вот, пожалуйста, накануне Дня Победы мне выписали самый что ни на есть штраф за отсутствие их, родимых.

Маска на мне была. Руки я как следует работала санитаром (за этот год у меня выработался условный рефлекс: вижу санитар – обрабатываю руки). И всё же старший инспектор-контролёр, заметив, что перчаток на мне нет, потребовала паспорт.

Не желая вступать в полемику, перчатки я приобрела прямо в метро и продемонстрировала блюстителям порядка, но, по их словам, оказалось, что уже поздно: камера зафиксировала, как я входила в метро без перчаток.

Для чего же тогда киоски с перчатками и масками? Очевидно, весь смысл здесь не в том, чтобы обеспечить режим санитарно-эпидемиологической безопасности, а в том, чтобы выписать как можно больше штрафов.

Отмечу, что контролёр, выписывавшая штраф, была очень милой. Несколько раз подчеркнула, что хотела бы меня отпустить, но такая уж разнарядка, и если она позволит мне уйти, её саму привлекут к уголовной ответственности. Подробно рассказала, как можно обжаловать штраф, пожелала удачи и выразила надежду, что у меня всё получится (я, честно говоря, этой надежды не разделяю).

Вот так Москва поздравляет с праздником граждан страны-победительницы. А потом,

конечно, роскошный салют, по всей видимости, устроенный на деньги, вытасканные из карманов оштрафованных москвичей, и пышные речи о том, как наша страна в сорок пятом году отвоевала свободу. И к чему мы пришли? К тому, что половину граждан вынудили соблюдать нелепые предписания, прекрасно понимая их вопиющую нелепость, а вторую половину – штрафовать первую, прекрасно понимая, что и штрафовать-то их не за что? Это даже не оруэлловское государство, которого мы так боялись, это самая настоящая сказка Джанни Родари – вот только никакой отважный Чиполлино на помощь уже не придёт.

Александра Смирнова